

Александр Александрович Ягельницкий
доцент кафедры гражданского права
МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент РШЧП,
магистр юриспруденции (РШЧП),
кандидат юридических наук

К вопросу о вине потерпевшего

**Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам
ВС РФ от 15.02.2017 № 305-ЭС16-14064**

Обстоятельства дела

В 2012–2013 гг. по заявлению арендодателя с арендатора и поручителей, физического и юридических лиц, взыскана арендная плата, номинированная в долларах США, по курсу на дату исполнения судебного акта. В 2013 г. пристав-исполнитель незаконно снял арест с недвижимого имущества поручителя — физического лица, и последний продал недвижимость третьему лицу. Незаконность действий пристава-исполнителя подтверждена вступившим в законную силу приговором суда. В 2014 г. истец приобрел права требования к арендатору и поручителям у арендодателя. Истец предпринял попытку обратить взыскание на переданную поручителем — физическим лицом третьему лицу недвижимость, а также оспорить договор купли-продажи между ними, однако получил отказ в суде первой инстанции. Арендатор и один из поручителей — юридических лиц к моменту рассмотрения спора ликвидированы, второе из юридических лиц — поручителей признано банкротом. В отношении поручителя — физического лица более трех лет ведутся исполнительные действия, исполнительное производство не окончено. Истец обратился с иском к Российской Федерации о возмещении убытков, вызванных утратой возможности исполнить судебный акт.

Позиции нижестоящих судов

Суд первой инстанции взыскал убытки в рублях по курсу на дату исполнения судебного акта. Суд апелляционной инстанции решение отменил, в иске отказал,

сославшись на незавершенность исполнительного производства и на возможность взыскания с арендатора-банкрота. Суд первой кассационной инстанции отменил постановление суда апелляционной инстанции и решение суда первой инстанции оставил в силе.

Позиция Судебной коллегии ВС РФ

В настоящем комментарии внимание будет уделено лишь следующим из затронутых Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ (далее — Коллегия) вопросов: 1) взгляд Коллегии на причинно-следственную связь и вину потерпевшего; 2) замечания Коллегии по вопросу о цессии (уступке прав); 3) высказывание суда по вопросу о дате, на которую определяется курс иностранной валюты в случае внедоговорного причинения вреда.

1. Причинно-следственная связь и вина потерпевшего

Вина потерпевшего. Описав незаконные действия пристава-исполнителя и вынесение в отношении него вступившего в силу приговора, Коллегия отдельно указала на следующее: «Однако к невозможности исполнения судебных актов за счет земельных участков должника привели и действия (бездействие) самого общества». Союз «и» в данном случае, очевидно, означает, что действия пристава привели к невозможности исполнения судебных актов, но при этом они не являются единственной причиной такой невозможности. Рассматриваемая ситуация, как она описана в судебных актах по делу, на наш взгляд, представляет собой типичный случай вины потерпевшего в наступлении вреда.

Тем удивительнее, что Коллегия не ссылается на ст. 1083 ГК РФ, прямо регулирующую ситуацию, когда действия и причинителя вреда, и потерпевшего стали причинами возникновения убытка и оба действовали виновно. Пункт 1 ст. 1083 ГК РФ устанавливает, что вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит. В соответствии с абз. 1 п. 2 той же статьи если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен.

Возможность применения ст. 1083 ГК РФ к ответственности государства за деятельность приставов-исполнителей признается в судебной практике¹.

По правилам ст. 1083 ГК РФ не любая, а только грубая небрежность потерпевшего может стать основанием снижения суммы убытков, однако полный отказ в возмещении убытков в ситуации вины причинителя и грубой небрежности потерпевшего не допускается. Для отказа в возмещении убытков необходимо, чтобы потерпевший действовал умышленно.

---

¹ См., напр.: постановления Президиума ВАС РФ от 29.03.2011 № 14415/10 по делу № А12-2383/2009; АС Дальневосточного округа от 08.09.2015 № Ф03-3154/2015 по делу № А04-3783/2010 (определением ВС РФ от 22.12.2015 № 303-ЭС15-16605 по делу № А04-3783/2010 отказано в передаче дела в Судебную коллегию ВС РФ).

Следовательно, при применении ст. 1083 ГК РФ для отказа в иске Коллегии было необходимо установить наличие умысла потерпевшего на возникновение у него вреда. Думается, что при разрешении дела Коллегия исходила именно из того, что поведение истца было умышленным. Это следует хотя бы из суждения о том, что деятельность истца является «имитацией обществом правовой активности в целях облегченного получения удовлетворения своих требований за счет гарантированных выплат из бюджета государства». Возможно, отсутствие в определении прямого суждения об умысле потерпевшего обусловлено тем, что уверенности в недобросовестности истца не было, хотя у Коллегии сформировалось мнение о том, что все приводимые им судебные акты вынесены в результате постановочных судебных процессов, где суд использовался исключительно как инструмент достижения далеких от правосудия целей. Вместе с тем прямое суждение о том, что истец в настоящем деле действовал умышленно с намерением получить возмещение из бюджета, могло бы иметь негативные и весьма серьезные публично-правовые последствия для истцов.

Оценка поведения потерпевшего как неосторожного в описанных Коллегией обстоятельствах не вызывает затруднений: действительно, взыскатель имел возможность периодически проверять состояние Единого государственного реестра недвижимости и обнаружить снятие обеспечительных мер. Однако квалификация этого поведения как грубой неосторожности уже представляет определенную сложность. Можно ли ставить среднему разумному взыскателю в вину, а тем более считать грубой неосторожностью то, что он не смог эффективно противостоять незаконным и даже преступным действиям пристава-исполнителя? Еще более затруднительным было бы обосновать, почему у Коллегии сформировалось убеждение об умышленности действий потерпевшего.

Есть подозрение, что совокупность двух этих факторов (сомнения в правильности суждений, которые могут повлечь публично-правовые последствия для истцов, и сложность аргументации в пользу наличия умысла) привела к кажущемуся полному игнорированию ст. 1083 ГК РФ, подмене правил о совместной вине суждением об отсутствии причинно-следственной связи и к упоминанию в качестве юридически значимых ряда обстоятельств, в действительности таковыми не являющихся. Представляется, что большинство сделанных Коллегией замечаний связаны исключительно с особенностями рассматриваемого дела и не могут оказывать какого-либо влияния на правоприменительную практику.

Бремя доказывания наличия/отсутствия иного имущества, из которого взыскатель может получить удовлетворение. В рассматриваемом деле имелась неопределенность в вопросе о том, была ли у истца возможность получения удовлетворения от непосредственных должников истца, а не посредством обращения с иском о компенсации убытков к Российской Федерации. Суды разных инстанций подошли к этому вопросу по-разному. Арбитражный суд Московского округа отметил, что «ответчик не представил доказательств, свидетельствующих о том, что возможность исполнения судебного акта суда общей юрисдикции [т.е. в отношении физического лица — поручителя] не утрачена». Коллегия, соглашаясь с апелляционным судом, отметила, что «...достоверно не установлен факт отсутствия у должников иного имущества».

При этом необходимо учитывать, что бремя доказывания наличия у должника иного имущества в случае незаконного снятия приставом-исполнителем ареста

возложено на ответчика в силу ясно и недвусмысленно сформулированного п. 83 постановления Пленума ВС РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» (далее — постановление № 50), на который, как видится, обоснованно сослался Арбитражный суд Московского округа.

Отличие комментируемого дела от ситуации, которая рассмотрена в п. 83 постановления № 50, состоит в следующем. Пленум Верховного Суда комментирует пример, когда имеются взыскатель, должник и пристав-исполнитель и нет обстоятельства в виде наличия пассивной солидарной множественности лиц в обязательстве. Представляется, что можно согласиться с Коллегией в том, что возможность получить полное удовлетворение от иных солидарных должников является обстоятельством, имеющим материально-правовое значение: если взыскатель может получить причитающееся по обязательству от одного из состоятельных солидарных должников, у него не возникают убытки в размере стоимости требования, поскольку рыночная стоимость его требования к солидарным должникам вследствие незаконного действия пристава в рамках исполнительного производства в отношении одного из должников не подвергается существенному уменьшению².

Однако представляется неверным, что наличие солидарной множественности на стороне должников имеет процессуально-правовое значение и переносит бремя доказывания отсутствия иного имущества у солидарных должников на истца. В связи с изложенным позиция Арбитражного суда Московского округа по рассматриваемому вопросу представляется более точной. При этом Коллегия не сказала прямо, что бремя доказывания отсутствия иного имущества возлагается на истца; замечание о том, что у солидарных должников может быть и иное имущество, необходимо, на наш взгляд, рассматривать исключительно в совокупности с замечанием о том, что истец имитировал правовую активность.

2. Суждения Коллегии о цессии

Определенный интерес вызывает вопрос о том, в чьем лице возникло требование о возмещении убытков, причиненных незаконным действием пристава-исполнителя. По обстоятельствам дела кредитором солидарных должников первоначально был арендодатель. В период принадлежности ему прав требования, в июне — октябре 2013 г., имели место незаконное снятие ареста с недвижимости поручителя и отчуждение ее третьему лицу, а истец по рассматриваемому делу приобрел права требования в феврале 2014 г. То обстоятельство, что сбор истцом доказательств невозможности получения удовлетворения требования от иных солидарных должников посредством подачи исков (которые Коллегия сочла имитацией), продолжался в 2014–2015 гг., по всей видимости, не позволяет сказать, что убытки возникли позднее октября 2013 г. Соображение Коллегии по вопросу о дате определения курса доллара на октябрь 2013 г. косвенно подтверждает согласие Верховного Суда с изложенным подходом. При этом в акте Коллегии упоминаются договоры об уступке прав требования к солидарным должникам, но не

² Гипотетически убытки могут выразиться в усложнении/удорожании исполнительного производства, но они не равны стоимости требования.

к государству. Следовательно, Коллегия, видимо, имела возможность сказать, что в связи с нарушением приставом-исполнителем своих обязанностей к истцу перешли права требования к должникам, но не к государству, что явилось бы самостоятельным основанием для отказа в иске.

Коллегия, однако, от такого суждения воздержалась. Это может означать поддержку ею позиции, что уступка прав требования взыскателя к должнику имплицитно означает и уступку права требования компенсации убытков с государства. Такой подход, скорее всего, вполне разумен, поскольку более вероятно, что юдент, уступивший права требования к должнику, распорядился и правовыми средствами удовлетворения своего имущественного интереса посредством иска к государству о возмещении убытков.

Кроме того, Коллегия в скобках упомянула, что истец не доказал возмездности приобретения прав требования. Это суждение, не соотносящееся со сложившейся практикой о доказывании возмездности уступки³, с нашей точки зрения, может рассматриваться исключительно в совокупности с иными специфическими фактами дела, описанными выше.

Значительную часть текста определения занимают рассуждения о том, что истец, приобретший права требования в порядке цессии, принял на себя риски неисполнимости права требования. Они, разумеется, не означают, что цессионарий пользуется меньшей правовой защитой в случае ненадлежащего исполнения приставом-исполнителем своих обязанностей. Представляется, что в силу ст. 384 ГК РФ право переходит к цессионарию в том же состоянии, в котором оно находилось у юдента, и отсутствуют основания, по которым пристав мог бы более небрежно относиться к исполнительным листам, по которым была проведена замена взыскателя, чем к тем, взыскателем по которым является первоначальный кредитор.

3. Соображение о курсе иностранной валюты

Несколько оторванным от основной части судебного акта выглядит находящееся в конце рассуждение о дате, на которую необходимо рассчитывать курс номинированного в долларах утраченного требования. Не совсем понятно, зачем определять дату курса, на которую рассчитывать убытки, если в иске об убытках отказано.

Суды первой и первой кассационной инстанций сочли, что коль скоро утраченное по вине пристава требование было номинировано в долларах, то взыскание убытков с государства должно производиться в долларах США по курсу на дату исполнения судебного акта. Коллегия решила, что курс должен определяться на октябрь 2013 г.

Думается, что при определении курса иностранной валюты по требованиям к государству нужно исходить из следующего. Если бы пристав надлежащим образом

³ См.: п. 10, 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30.10.2007 № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации».

осуществлял исполнительные действия, то денежные средства за земельные участки, явившиеся предметом ареста, поступили бы взыскателю по курсу на некоторую дату, в которую исполнительные действия должны были успешно завершиться. При оценке размера убытков с разумной степенью достоверности суду следовало приблизительно определить эту дату, возможно, взять средний курс за какой-то временной промежуток, в течение которого взыскатель в отсутствие незаконных действий пристава получил бы удовлетворение.

В этом плане подход Коллегии представляется хотя и неточным, но более близким к дате вероятного исполнения утраченного по вине пристава требования. Решение нижестоящих судов о взыскании убытков по курсу на дату исполнения судебного акта призвано, как представляется, в какой-то степени компенсировать инфляционные потери, что, конечно, следовало бы делать посредством присуждения процентов на сумму убытков.

Вывод

Представляется, что судьи Коллегии, вынося определение исходя из конкретных специфических обстоятельств и особенностей конкретного дела, сознательно избегали формулирования правовых позиций с целью не допустить их воспроизведения нижестоящими судами. Исключение составляет вопрос о дате определения курса иностранной валюты, решение Коллегии по которому является хотя и неточным, но в целом приемлемым.